

Такъ дѣйствительно и случилось; вблизи стойбища начальника хошуна мы были встрѣчены его старшимъ сыномъ, выглядѣвшимъ не совсѣмъ хорошо, вслѣдствіе весело проведенной ночи, и тутъ же неподалеку расположились лагеремъ. Широкое ущелье давало возможность пріютиться многимъ туземцамъ; вездѣ—вверху и внизу по рѣчкѣ—чернѣли ихъ палатки, а въ окрестности бродили многочисленныя стада домашнихъ яковъ, барановъ и другого скота, принадлежавшаго главнымъ образомъ начальнику. Тамъ и сямъ слѣдовали налегкѣ вооруженные всадники или проходили караваны яковъ, нагруженные скарбомъ кочевниковъ, мѣнявшихъ свои стоянки. Изрѣдка проѣзжали и останавливались тутъ же, въ ущельи, странствующие ламы за сборомъ подаяній; ихъ бѣлыя палатки рѣзко выдѣлялись и давали собою знать, кому надлежало, кто и зачѣмъ пріѣхалъ. Въ подобныхъ походныхъ молельняхъ часто слышались звуки бубновъ, трубъ и морскихъ раковинъ, особенно по вечерамъ.

Въ тотъ же день, шестнадцатаго іюля, по установкѣ бивуака, я съ А. Н. Казнаковымъ, имѣя при себѣ Бадмажапова и Дадая въ качествѣ переводчиковъ, отправился съ визитомъ въ домъ отсутствовавшего начальника, въ сопровожденіи его старшаго сына. Войдя въ обширную уютную палатку, раздѣленную на двѣ части, изъ которыхъ въ одной принимались гости, а въ другой помѣщались женщины и домашній скарбъ, мы расположились въ первой, занявъ обычныя мѣста. Противъ насъ дымился огромный очагъ, съ уступами, на которыхъ стояло до восьми мѣдныхъ или чугунныхъ посуды, разныхъ величинъ; поваръ и хозяйка дома усердно хлопотали подлѣ очага. Тутъ же, поодаль, ея молодая дочь и слуга въ огромныхъ кадкахъ сбивали масло.

Послѣ извѣстныхъ обычныхъ привѣтствій намъ былъ предложенъ чай и „джюма“, то есть корешки гусиной лапчатки, о которыхъ я уже упоминалъ въ предыдущей главѣ, а затѣмъ въ огромномъ количествѣ мясо барана, убитаго для насъ специально. Мнѣ и товарищу все время прислуживалъ будущій старшина или бэй-ху, а нашимъ переводчикамъ его совѣтникъ; хозяйка съ дочерью не переставали разглядывать насъ до самого ухода. Поблагодаривъ за угощеніе, что впрочемъ здѣсь не принято, мы собрались уходить и тогда молодой хозяинъ поднесъ мнѣ хадакъ и лисицу, обычный подарокъ почетнымъ гостямъ.

По возвращеніи нашемъ на бивуакъ, къ намъ отовсюду стали стекаться туземцы — мужчины, женщины и дѣти. Тибетцевъ привле-